

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА "ЭНЕИДЫ" ВЕРГИЛИЯ В ПИСЬМАХ А.А. ФЕТА Д.И. НАГУЕВСКОМУ

В статье рассматриваются взгляды А.А. Фета на перевод произведений древних авторов, в частности "Энеиды" Вергилия, в письмах профессору Казанского университета Д.И. Нагуевскому.

The article discusses the views of the Russian poet of the 19th century Afanasy Fet on translating the Classical writings, among them Virgil's Aeneid, as seen in his letters to Prof. Darius Naguiewski of the Kazan' University.

Довольно часто в научной литературе, посвященной как самому Вергилию и его произведениям, так и переводам его на русский язык, сетуется на то, что Вергилию в России не везло. Связано ли это с тем, что слишком много его было в гимназических программах и слишком сжато его преподавали или с тем, что не нашлось переводчика для Вергилия, подобного Н. Гнедичу с его талантливым переводом гомеровской "Илиады", но фортуна-судьба оказалась не слишком благосклонна к Вергилию и переводам его произведений в России, особенно это сказалось на переводе знаменитой поэмы Вергилия "Энеиды".

В России "Энеида" была известна уже с XVIII в. Первый полный перевод появился в 1770 г. появился первый полный перевод, сделанный Г. Петровым, следующий появляется спустя почти сто лет, в 1868 г., выполнен Шершеневичем, и довольно долго считался вполне удачным. А спустя буквально десять лет один за другим выходят три перевода "Энеиды" - Соснецкого (1878 г.), Фета (1888 г.) и Квашнина-Самарина (1893 г.). Следующие попытки делаются лишь в XX в. В 1933 г. появляется перевод В.Я. Брюсова, который почти сразу приобрел дурную славу переводческого буквализма, несмотря на поэтический талант переводчика и практически специальную подготовку в области античной культуры [4, с. 29–62], и последний перевод С.А. Ошерова под редакцией Ф.А. Петровского [5, с. 293–294].

Как видим, переводов было достаточно много. В научной литературе оцениваются они по-разному: некоторые удостоиваются нескольких абзацев, некоторые – лишь несколько строк, а некоторые – обстоятельных статей, как в случае с переводом "Энеиды" В.Я. Брюсовым. Отчасти это объясняется тем фактом, что В.Я. Брюсов, пожалуй, единственный, кто предварил свой перевод специальной вступительной статьей, посвященной задачам и проблемам перевода, кроме того, сохранился архив автора перевода, по документам которого можно проследить этапы работы над переводом [4, с. 29–62].

В данной статье речь пойдет о другом переводе "Энеиды", который упоминается в историографии гораздо реже, но сделан известным поэтом XIX века Афанасием Афанасьевичем Фетом [10]. А.А. Фет довольно часто писал о принципах перевода древних авторов во вступительных статьях к изданиям римских поэтов. Высказывал их он и в письмах к своим друзьям и знакомым [7, с. 401–418; 444–447]. В Отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки (г. Санкт-Петербург) сохранились 25 писем А.А. Фета к профессору римской словесности Императорского Казанского университета Дарию Ильичу Нагуевскому, которые касаются непосредственно работы над переводом "Энеиды" Вергилия [6]. Эти письма были переданы в 1906 г. в тогда Императорскую публичную библиотеку самим Д.И. Нагуевским, который написал: "письма характеризуют взгляды автора на перевод древних поэтов и для других данных для биографии и оценки А.А.

Фета" [6, л.3]. Эти письма представляют собой уникальный источник. Их ценность не только в том, что они принадлежат А.А. Фету и дают сведения для его биографии и характеризуют его взгляды на перевод древних поэтов, но они могут помочь раскрыть особый контекст той эпохи, представить особые личные связи между творческими людьми и людьми науки.

Прежде скажем несколько слов о том, кто был этот профессор Д.И. Нагуевский? Заслуженный ординарный профессор римской словесности Казанского университета Д.И. Нагуевский (1845–1918) был крупным исследователем истории римской литературы, латинского языка, переводчиком римских классиков. Он окончил 1-ю Киевскую гимназию, затем Новороссийский университет (1870 г.), преподавал латинский язык в рижской Александровской гимназии, защитил магистерскую диссертацию в Харьковском университете (1876 г.), затем докторскую в Дерптском университете (1883 г.). Обе диссертации были посвящены творчеству римского сатирика Ювенала. В 1883 г. Д.И. Нагуевский назначается ординарным профессором в Императорский Казанский университет, в котором и проработал до самой своей смерти в 1918 г. В Казанском университете он не только читал лекции и вел практические занятия, благодаря его стараниям на историко-филологическом факультете появилось два учебно-вспомогательных учреждения: Нумизматический музей и Библиотека классической филологии, которыми он заведовал вплоть до 1918 г. [2, с.135–137].

Эти письма (кроме 25 писем, которые были написаны А.А. Фетом, сохранились и 14 ответных писем Д.И. Нагуевского. Они хранятся в Отделе Рукописей РГБ (г. Москва) [8].) являются единственным свидетельством переписки между А.А. Фетом и Д.И. Нагуевским. Что же связывало их, знаменитого поэта и профессора провинциального университета? Ответ: перевод "Энеиды" Вергилия. По времени письма относятся к 1887–1889 гг. Из писем мы знаем, что А.А. Фет и Д.И. Нагуевский не были лично знакомы. Фет обратился к Нагуевскому с просьбой помочь в написании примечаний для его перевода "Энеиды". Нагуевский согласился. Работа по переводу, сверке, проверке перевода продолжалась почти год, в письмах наряду с техническими вопросами, обсуждались и творческие проблемы перевода. Несколько последних писем, которые были написаны после издания перевода в 1888 г. и после появления первых критических статей, посвящены своеобразной реабилитации доброго имени профессора Д.И. Нагуевского, поскольку критика касалась не только автора перевода А.А. Фета, но и профессора Д.И. Нагуевского [1, с.181–192].

Что же представляют собой те взгляды Фета на перевод древних авторов, о которых писал Нагуевский, передавая письма в Публичную библиотеку?

Конечно, А.А. Фет высказывался о своих принципах перевода во многих вступительных статьях к латинским поэтам, которых он переводил и переводил в довольно

большом количестве. Речь идет и о переводе всего Горация, которого Фет очень любил, и о переводе Катутла, и о "капризном" Проперции и о Ювенале. В одном из писем к Нагуевскому, Фет пишет, испрашивая помощи в атрибуции знаменитой латинской фразы "Habent sua fata libelli", на наш взгляд, с неким хвастовством следующие строки: "так как, мной переведены все первоклассные римские поэты, то весьма может быть, что и этот стих давно мной переведен; тем не менее, несмотря на все старание, я не мог его нигде разыскать..." [6, л.23]. Но все эти высказывания довольно немногочисленны, поскольку жанр вступительных статей, не позволял ему довольно полно раскрыть свои взгляды именно на перевод, хотя в них встречаются и довольно интересные наблюдения, и яркие образные выражения.

Письма А.А. Фета позволяют иногда более подробно осветить те принципы, которыми пользовался поэт при переводе древних авторов, хотя, конечно, он не ставил такой задачи. Но в некоторых случаях, особенно это случалось тогда, когда возникала необходимость прийти к общему решению при переводе спорного стиха, Фет довольно четко проговаривал свои взгляды и принципы.

В самом начале работы над переводом "Энеиды" Фет пишет Нагуевскому, что он совсем не ожидал, что этот перевод окажется для него трудным делом. Вот лишь несколько фраз: "Я полагал, что Энеида представит для меня шуточную работу и сильно ошибся, т.к. перевод ее для меня труднее капризного Проперция" [6, л.6]. "Хотя, полагаю руку на сердце, несмотря на красивые места в Энеиде, работаю над нею не с тем же увлечением, как над другими поэтами, тем не менее сердечно рад, что эта работа займет мое деревенское время" [6, л.4], "в Энеиде, как мне кажется, таких различий в тексте не встречается" [6, л.5], "благодаря Эней, которого я собирался перевести забавляясь, заставил меня потрудиться серьезно" [6, л.18].

Как видим, первоначально, А.А. Фет отнесся довольно легкомысленно к переводу такого поэта, как Вергилий, и возможно, уже в процессе работы, вынужден был обратиться за помощью. Стоит отметить, что поэт довольно часто прибегал к услугам людей, владеющих древними языками. Это могли быть гимназические учителя, как это было при переводе "Од" Горация или известные профессора, филологи-классики, как Ф.Е. Корш или просто любители римской литературы, как граф А.В. Олсуфьев [9, с.387-390].

Как пишет А.А. Фет в своем письме Нагуевскому: "...я чистосердечно признаюсь, что я не более, как любитель-переводчик, но немало не филолог. Для меня объяснения только натыканные ветки, указывающие надлежащий путь разумения. Но у меня не хватает ни умения, ни терпения рассматривать каждую отдельную ветку порознь" [6, л.4-5]. Переводил Фет с или опирался на немецкий перевод "Энеиды", сделанный немецким филологом-классиком Т. Ладевигом. Вот лишь некоторые из фраз, встречающиеся в его письмах: "...я перевожу по Ladewig'u" [6, л.5], "...у Ladewig'a, текста которого я держусь, ..." [6, л.16]. Поэтому и здесь при переводе "Энеиды" понадобился человек, который смог отследить латинский текст и писать "самонужнейшие примечания" [6, л.5] к переводу Фета. Как пишет Фет, объясняя свой выбор: "Не скрою также, что преимущественно дорожу тем, что перевод мой пройдет, так сказать церемониальным маршем перед глазами специалиста знатока и получит от него диплом зрелости" [6, л.34].

Фет исходил из того принципа, что каждый должен заниматься своим делом, говоря о, так сказать, своеобразном разделении труда, ожидая от филологов готово-

го текста и объяснений, которые, он, владея русским стихом, мог бы перенести на отечественную почву.

Фет считал, что перевод является образом понимания оригинала [6, л.6], какие-либо примечания необходимы лишь для совсем непосвященных, поэтому "нет никакой надобности испещрять, ... примечаний ссылками на подлинные выражения Илиады и Одиссеи" [6, л.6]. Не считает нужным он и включение в издание латинского текста поэмы, который, по его мнению, "ни мало не подспоряющее делу", а только "тормозящий груз", и, кроме того, "всякий может в стереотипном издании приобрести его за двугривенный" [6, л.6]. Отношение же к примечаниям, которые должен писать Нагуевский, Фет высказывает в следующей фразе: "Как ни нежелательны излишние примечания, но непосредственное чувство само укажет Вам те места, где, невзирая на точный и ясный перевод, читатель не специалист не поймет ничего без объяснения" [6, л.6]. И здесь прослеживается идея некоей вольности, как в необходимости примечаний, так и в выборе их, основанная скорее на интуиции, свойственной больше поэтам, нежели на научности и рациональности.

Естественно для перевода важно не только содержание поэтического текста, т.е., "что" переводить, но и внешняя форма, т.е., "как" переводить. В этом отношении А.А. Фет более строг и придирчив и к себе, и к Нагуевскому. Еще в первом письме, он пишет профессору, когда тот обратил внимание Фета на более ранний перевод "Энеиды", сделанный Шершеневичем, как на "устарелый" [6, л.5], что этот перевод "простой вольный пересказ содержания Энеиды и буквально не мог из него попользоваться ни одним выражением для своего перевода" [6, л.5]. И далее: "Переводить песни прозой – невозможно. Стихи имеют свои права, которые нарушать нельзя" [6, л.6].

Фет переводит "Энеиду" гекзаметром. И об этом он пишет Нагуевскому, используя довольно образное выражение. "Вспомните, что мои ноги или, лучше сказать, стопы, немилосердно сдержаны стопами гексаметра, из которых выскочить я не имею права. В первом случае поправка по Вашему указанию для меня обязательна (касается написаний примечаний – Н.А.), а во втором только желательна, если достижима" [6, л.7]. К этой внешней стороне перевода Фет подходит довольно серьезно, прекрасно сознавая всю сложность, а порой и невозможность адекватного перевода. "При исправлениях текста нередко вспоминается: "рад бы в рай, да грехи не пускают" - пишет в очередном письме А.А. Фет, - Вы имеете в виду латынь, а мне приходится бороться и с русским. Так, например, я бы охотно перевел *diversa parte* - в другой стороне, если бы рядом не стояло *penitus*, которое я не умею иначе перевести, как в отдалении, и вышло бы в другой стороне в отдалении, что выходит неловко" [6, л.42].

Выделить можно и третий элемент в переводах с древних авторов – это передача собственных имен в той традиции, которая довольно прочно вошла в русский язык. И в этом вопросе у Нагуевского и Фета был даже небольшой конфликт. Фет предлагает чтение имен собственных, в том числе и греческих, в устоявшейся в России латинской форме чтения, т.е., Цинт, Цитера, вместо Кинфа, Киферы, о которых ему постоянно писал Нагуевский, придерживаясь чтения, принятого строгой филологической наукой. И даже договорившись уже о том, что Фет использует латинское чтение имен, Нагуевский продолжал в своих экземплярах переправлять их на греческие, что дало повод Фету упрекнуть Нагуевского, что ему приходится делать двойную работу, исправляя заново написание имен

собственных. Удивительно, но именно за это ругали в критических статьях, которые появились после выхода перевода "Энеиды", Д.И. Нагуевского. Как мог университетский профессор, филолог-классик проглядеть, просмотреть такое, а уж тем более совершить совсем непозволительное – само имя римского поэта было написано через "е", а не "и". Поэтому-то последние письма полны просьб Д.И. Нагуевского, чтобы Фет выступил с каким-нибудь опровержением, чтобы восстановить честное научное имя профессора. И, на наш взгляд, сама передача писем А.А. Фета в Императорскую публичную библиотеку имела и этот скрытый мотив

Перевод "Энеиды" А.А. Фета критиковался много раз, и в XIX веке, и в XX-м. Критиковали его за то, что перевод местами являет собой простой подстрочник, что мало внимания уделяется форме стиха Вергилия, что Фет обращает внимание лишь на содержание поэмы. Уже упоминавшийся В. Брюсов приводит довольно яркий образ того, что сделал Фета, да и Квашнин-Самарин. "Получился прозаический пересказ содержания поэмы, хотя почему-то и изложенный гекзаметрами. Получился даже не гипсовый слепок с мраморной статуи, а описание этой статуи, сделанное добросовестно, дающее о ней сведения, но, конечно, не производящее никакого художественного впечатления" [3, с.135].

На наш взгляд, оценка Брюсова, все-таки слишком категорична, тем более, перевод самого Брюсова критикой считается "верхом буквализма". Ведь проблемы художественного перевода так и не решены, хотя теория перевода, особенно машинного, в наши дни является относительно разработанной. И потому сегодня не только в среде филологов, но и историков разгора-

ются нешуточные страсти по поводу "буквалистских" и "вольных" переводов, переводов "слово в слово" или переводов "подражаний". Что лучше? Наверное, каждый переводчик принимает решение сам, выбирая тот или иной вариант, и полагаясь на время, которое всех рассудит. И как нельзя, кстати, в заключении будет фраза из письма А.А. Фета: "Если мои переводы далеки от желаемого совершенства, то, тем не менее, могут служить фундаментом для будущих, более счастливых или искусных переводчиков" [6, л.5-6].

1. Алмазова Н.С. "Habent sua fata ... conversiones": о переводе "Энеиды" Вергилия в переписке А.А. Фета и Д.И. Нагуевского // Проблемы антиковедения и медиевистики. – Вып. 2. – Нижний Новгород, 2006. 2. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета (1804–1904) / Под ред. Н.П. Загоскина. – Ч.1. – Казань, 1904. 3. Брюсов В.Я. О переводе "Энеиды" русскими стихами // Вергилий Энеида. Пер. В.Я. Брюсова. – М., 2000. 4. Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. – М., 1988. 5. Петровский Ф.А. Русские переводы "Энеиды" и задачи ее нового перевода // Вопросы античной литературы и классической филологии. – М., 1966. 6. Письма А.А. Фета (Шеншина) Д.И. Нагуевскому // ОР РНБ. Ф. 1000. Собрание отдельных поступлений. – Оп.3. – №1325. – 53 лл. Опубликовано: Перевод "Энеиды" Вергилия в социокультурном контексте России конца XIX века (25 писем А.А. Фета Д.И. Нагуевскому). Подготовка текста, предисловие и комментарий Н.С. Алмазова // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. – Вып. 3. – Омск, 2007. 7. Письма А.А. Фета к Гр. А.В. Олсуфьеву // Фет А.А. Стихотворения. Проза. Письма. – М., 1988. 8. Письма Д.И. Нагуевского к А.А. Фету-Шеншину // ОР РГБ. Ф.315. – Оп.1. – К.9. Ед.хр. 29. – 30 лл. 9. Фет А.А. Воспоминания. Репринт издания 1890. Т.2. Мои воспоминания. 1864–1889. – М., 1983. 10. Энеида Вергилия. Перевод А.А. Фета, с введением, объяснениями и проверкой текста Д.И. Нагуевского, ординарного профессора Императорского Казанского университета. – Ч.1. – I–VI. – М., 1888.

Надійшла до редколегії 13.03.12

Н. Бугаева, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
(г. Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О КЛЯТВЕ УЧАСТНИКОВ ЗАГОВОРА КАТИЛИНЫ

Н. Бугаева обратилась к сообщениям греко-римских писателей о кровавой клятве катилинарцев. По мнению автора статьи, развитие сюжета во многом шло по законам литературного жанра, и в действительности этот яркий эпизод едва ли имел место.

N. Bugaeva drew attention to ancient writers' witness of blood oath of Catilinarian conspirators. According to N. Bugaeva, development of the ancient tradition had characters of belles-letters and this episode didn't take place in reality.

Восстановление много лет спустя подробностей неудавшегося заговора – занятие неблагодарное. Потерпев неудачу, участники тайного предприятия, целью которого, как это было в 63 г. до н.э., является приход к власти вооруженным путем, не жаждут афишировать участие и делиться воспоминаниями. Победившая сторона предлагает обществу свою точку зрения, которая имеет очень большие шансы закрепиться в исторической памяти. Наконец, осуществлявшиеся в глубокой тайне конспиративные действия побуждают домысливать детали – более или менее удачно, в зависимости от степени осведомленности о событиях и их контексте.

Латинское "coniuratio" уже по своей этимологии предполагает совместное принесение клятвы на верность некоему замыслу, причем не обязательно вредоносному. Например, у Ливия этот термин может означать коллективную воинскую присягу (Liv. XXII. 38. 4; XXVI. 25. 11; 16; XLV. 2. 1). Напомним также, что, когда спустя 20 лет был составлен увенчавшийся успехом заговор против Цезаря, обстоятельства которого получили известность, современники удивились, что деятели мартовских ид обошлись без подобного (Plut. Brut. 12). Поэтому античная традиция сообщает о присяге сторонников Катилины как о действии само собой разумеющемся (Flor. II. 12. 4; Plut. Cic. 10; Dio Cass. XXXVII. 30. 3).

За редким исключением [2, р. 29] ученые Нового времени склонны считать эту информацию недостоверной, исходя прежде всего из общих представлений об освещающих заговор источниках [5, р. 71; 8, р. 27; 13, р. 152; 26, с. 187; 24, с. 469; 32, с. 37]. Насколько нам известно, единственный, кто сколько-нибудь углубленно рассматривал данный вопрос, – Э. Манни, пришедший к противоположному выводу. Одна из частей его монографии носит название "Катилинарская религия" и здесь высказывается мысль, что кровавый ритуал совершался в честь малоазийской богини Ма, отождествленной римлянами с Беллоной. Катилина, объявивший себя защитником обездоленных, посвятил вождей заговора в этот мистериальный культ, распространенный среди части плебса. Те же по ряду причин охотно приобщились к таинствам [11, р. 40-49; ср.: 13, р. 152].

Оставляя религиозный аспект гипотезы Э. Манни специалистам, мы предлагаем взглянуть на проблему под другим углом зрения, а именно: насколько достоверны имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства? Итальянский ученый возводит информацию о кровавой клятве к сообщениям доносчиков [11, р. 40-41]. Это вполне вероятно, однако когда впервые была зафиксирована в официальных протоколах страшная подробность? Основанием для ареста и казни пятерых вождей заговора, как известно, стали показания аллоб-